

ВИНФРИД МЕННИНГХАУС

Цена красоты: польза и вред от ее обожания

Параллелью к повседневному культу красоты, который несет на себе все признаки культурной конъюнктуры, подкрепленной технологиями и массмедиа, является в биологии и психологии теория «эстетических предпочтений» — как по отношению к телу противоположного пола, так и при усилении возможностей собственного пола. Таким образом, эстетическое чувство унаследовано нами от законов биологической эволюции¹. Если говорить о политике знания, то это явление вписывается во всеобщую переоценку биологических и генетических объяснительных моделей, которая наблюдается в последние десятилетия. В настоящей статье будут обсуждаться некоторые гипотезы эволюционной биологии, касающиеся благоприятных для существования вида характеристик красоты, в противоположность другим механизмам наложения свойств, когда красота оказывается вредна и ведет к вымиранию вида. Современный культ совершенной внешности, как мы покажем, обходится уже слишком дорого: слишком много в нем признаков тирании, затрудняющей каждый наш шаг и зачастую провоцирующей патологические эффекты.

Эволюционные процессы, в трактовке Ч. Дарвина, в долгосрочной и среднесрочной перспективе производят отбор только тех телесных признаков и способностей, которые способствуют выживанию путем приспособления (*survival fitness*). Эти признаки, которые могут не просматриваться в жизни отдельной особи, проявляются в потомстве, которое становится успешной ветвью эволюции. Вопрос Дарвина состоял в том, почему же возникает эта «орнаментика» полов и почему они столь несходны у двух полов одного и того же биологического вида? В чем польза от таких украшений, если они часто непрактичны, как, скажем, пресловутый павлиний хвост? Дарвин дал ответ напряженным поискам многих поколений естествоиспытателей: свойственный полу

¹ Предлагаемая статья содержит аргументы, подробно развитые в моей книге «Что обещает красота» (Menninghaus Winfried. *Das Versprechen der Schönheit*. Frankfurt/M., 2003).

«орнамент» создает преимущество в борьбе за партнера. Более того, соперничества не было бы, если бы в результате эволюции не фиксировались все более эксцентричные расцветки. Зигмунд Фрейд подхватил тезис Дарвина об эволюционном характере телесной красоты как фактора сексуальной привлекательности: можно вспомнить, что еще Платон определял красоту как влекущий к себе эротический объект, и этот тезис многократно повторялся прежде чем обрел естественно-научное обоснование в эволюционной теории телесной красоты. Целью этого эволюционного объяснения было не вскрыть мотивы, по которым мы и сегодня тянемся к красоте, но только показать стоящую за этой красотой принудительность вечного природного влечения.

Пытаясь осмыслить развитие часто поразительных внешних различий между полами (так называемых диморфизмов), Дарвин предположил, что в основе здесь лежит предрасположенность к новым и более резким средствам возбуждения (что впоследствии было названо *неофилией*), иначе говоря, предпочтение все новых отличий. Расширение спектра вариаций со временем радикализовало тенденцию этой «моды», которая сама стала главным фактором предпочтений в ходе *эволюции по привлекательности*. Естественный «сексуальный выбор» не знает никакого статичного идеала, но постоянно стремится к все новым и неподвижным моментам привлекательности. Итак, Дарвин нашел настоящий двигатель эволюции — это был привлекательный орнамент, качество которого и определяло выбор особи для продолжения рода. Эволюция поэтому не может идти мимо этих телесных признаков, определяющих отношения между особями и отбор, и, таким образом, телесный орнамент оказывается прямой предпосылкой «выживания». Получается, что переменчивость орнамента вполне сопоставима с изменчивостью любой моды. Эстетические предпочтения отдельного вида — это не что иное, как репрезентирующееся в природе явление, которое в культуре известно как «мода». Как и мода, эти предпочтения — важнейший фактор разграничения ближайших признаков и начало эволюции новых видов.

Но почему же предпочтение более «прекрасных» объектов менее «прекрасным» мы должны признать механизмом адаптации? Дарвин отвечает на этот вопрос следующим образом: существует механизм, который и руководит сексуальным отбором. Ведь нельзя не заметить, что большая часть животных не проходят через длительную фазу ухаживаний и знакомства; но для встречи партнеров достаточно оказывается весьма краткого срока. У некоторых видов происходят битвы конкурентов за партнершу, но победитель сразу автоматически принимается самкой. У гораздо большего числа видов эта битва полностью или частично заменена системой телесных знаков, которые в точности так же обслуживают исключительно сексуальную самопрезентацию. У птиц в период спаривания этим целям служат, помимо окраса перьев, пение, танец и в некоторых случаях импровизация. Дарвин противопоставил эту самопрезентацию, в которой возможны не только сексуальная

орнаментика, но и исполнительское красование, естественному отбору как «половой отбор» и указал на то, что пение, танец и строительство в животном мире представляют собой подготовку к будущим *искусствам*, продолжающим телесную жизнь. Таким образом, искусство, по мысли Дарвина, представляет собой изначально медиум самопрезентации, благоприятной для полового отбора.

Дарвин был убежден, что привлекательность, а значит, и предпочтительность для полового отбора лучшим образом украшенного тела покоится на довольно простом механизме. Так, в результате чистой эволюции, без какого-то специального намерения, самки павлина стали по собственной воле выбирать самцов-павлинов с самыми длинными перьями и с приближающимися к совершенству симметричными пятнами, и последующие самки продолжили этот же капризный выбор. Таким образом, закрепление признака оказывалось связано с идиосинкразией выбора и одновременно с резким расширением сферы действия раздражений, которые и задают направление полового отбора. Целая популяция возникает благодаря предпочтению вполне определенного телесного орнамента, и следует ожидать, что потомство, орнамент которого слегка изменился, будет не менее активно участвовать в «гонке» полового отбора. Итак, внешний вид тела имеет один-единственный смысл — привлекательность, которая ничем не отличается от привлекательности платьев в мире моды. В скобках заметим, что существуют неодарвинистские гипотезы, которые ставят телесную привлекательность в один ряд со здоровьем, фертильностью и «хорошей наследственностью», при этом вроде бы не собираются рвать с каноническим учением Дарвина.

В большинстве видов животных самки неприметны, тогда как самцы сразу бросаются в глаза своим зрелищным окрасом. Дарвин из этого делал вывод (который подтверждали и многочисленные наблюдения), что чем прекраснее мужские особи какого-то вида, тем чаще производится выбор их самками, которых ничем нельзя привлечь, кроме как пресловутым крикливым орнаментом. Когда мы смотрим на самцов, отличающихся выдающейся внешностью, — райских птиц, оленей, львов — мы убеждаемся в том, что «женский выбор» (*female choice*), воспроизводясь из поколения в поколение, приводил к эволюционному тупику, потому что во вкусе самок была все более эксцентричная расцветка.

Или, говоря в целом, красота этих мужских особей, акцентирующая как вторичные, так и первичные половые признаки, была просто отобрана многими поколениями противоположного пола. Эта теория создает весьма рискованный повод к новому витку дискуссий вокруг *политики мужского тела*.

Следующий шаг в наших рассуждениях: чем больше различие по «красоте» между самцом и самкой одного вида, тем больше самцам приходится выдерживать конкуренцию других самцов. Итак, чем больших успехов достигла красота, тем больше соревнование за обладание противоположным полом и, значит, тем больше риск неудачного отбора

в случае, если побеждает не самый «красивый». Неприметные самки павлина достаются одному самцу, и потому в новом поколении особи окажутся довольно сходными. Но если павлин прекрасен, то оказывается, что и все направление эволюции идет в сторону торжествующей красоты. Буквально — *выживает прекраснейший*, и этот закон находит самое яркое выражение. Если рассматривать происходящее не с той точки зрения, что победителю достается все (к этому весьма склонна эволюционная теория), но более спокойно, получается, что право выбора остается за сравнительно неприметным полом, который принимает за красоту силу победителя. Но из этого же следует, что развитие «прекраснейших» животных видов происходит неровно: за кратким периодом блеска следует надлом, когда и сексуальная привлекательность, и социальная роль сходят на нет. Индивиды менее цветастых видов живут обычно дольше, дольше играют и в театре ухаживания и спаривания и менее драматично переживают вытеснение их с этой сцены более молодыми особями. Высочайшая степень красоты и руководимый красотой выбор обходятся гораздо дороже. Типичная биография любой «звезды» в искусствах подтверждает это правило.

Эволюционная биология уже после Дарвина открыла важное правило: чем сильнее отличие по окраске одного пола от другого, тем меньше участвуют в воспитании потомства самые прекрасные и сексуально благополучные индивиды. Павлин полигамен и полезен потомству только тем, что произвел его на свет. В тех видах, в которых прекрасны самки, происходит то же самое: «Зачем красавице трудиться?». Отдаленный отзвук этого всеобщего правила мы находим и в нынешнем человечестве: самые красивые женщины, как показывают психологические тесты, редко бывают хорошими матерями. Такие параметры, как забота о других, ответственность и готовность к преодолению трудностей, развиты у них гораздо хуже, чем у ничем не выделяющихся из общей массы женщин. Эволюционная теория знает доказательство этому, прослеживая такого рода эволюционный ритм: большие различия в красоте между самцами и самками одного вида коррелируют с большими различиями в участии в воспитании, во вкладе для потомства, тогда как если оба пола одинаково красивы, то они с равным намерением делят работу по воспитанию. Можно найти отличные примеры действия этой закономерности. Таким образом, бытовое наблюдение над тем, что красота не располагает к активному участию в бытовой, профессиональной и особенно социальной жизни и все усилия ложатся на тех, кто обделен красотой, находит теперь обоснование в теории эволюции.

Согласно Дарвину, человек совершает свой сексуальный выбор уже не по внешнему облику. Культура подавила в своем развитии тот отбор по красоте, который распространен в животном мире. Браки по договоренности, клановое распоряжение невестами, союзы семей, религиозная принадлежность и социальное положение — все это привело к тому, что внешний вид стал не так уж решающе значим при выборе партне-

ра. Но как раз в начале XIX века дали о себе знать первые предвестия грядущего поворота. Традиционные социальные детерминанты выбора партнера стали терять в своем прежнем значении. В действие вступило чисто индивидуальное «пристрастие», а значит, не соответствие готовым представлениям, но самопрезентация на основе внешности стала важна в *упорядочении выбора*. Мода, как одежды, так и самого тела, пришла на смену традиционному кодексу выбора партнера, составленному из положений религии, семейных законов и социальной принадлежности. В мире, без сожаления расстававшемся с былыми социальными ограничениями, индивиды, вышедшие из-под патронажа традиции, функционировали как абстрактные единообразные тела, и поэтому они искали и находили своего рода эрзац-религию, которая могла бы явить в новом откровении чистое бытие самого тела. Такое развитие можно понимать как лихорадочное отступление к допотопной звериной красоте или хотя бы как прямую до жестокости смычку рафинированной современности с архаической дикостью.

Первоначально модная одежда служила в значительном числе случаев «покровом» тела: несовершенное тело снабжалось большим количеством материи, покровов, украшений и условностей и после этого становилось образцово привлекательным с точки зрения господствующей культуры. В XX веке, особенно во второй половине, мода в одежде стала иной: она уже не скрывала телесные недостатки, но безжалостно усиливала их, и потому, по выражению Амоца Захави, тело стало функционировать как «принцип гандикапа» — когда носителями генетической информации становятся лишь вредные для выживаемости признаки. Современная мода презентует в конечном счете требуемое от всех пластически прекрасное обнаженное тело. Обнажение биологической субстанции превращает моду в одежде в биополитический акт «эстетического отбора». Таким образом, можно ли говорить о конвергенции динамично развивающейся современности с суровым отбором биологической эволюции? И правда, послужит ли эволюционная теория в биологии заделом для теории постмодерного времени?

Диагноз Дарвина, по которому человеческая культурная способность выбирать прекрасное имеет длительную предысторию, принуждает выдвинуть для эволюции человечества противоположную гипотезу: здесь сексуальный отбор происходит по внешним признакам в силу того, что мужской пол уже не может развить в себе вторичные половые признаки (диморфизмы). Такие приметы сексуального отбора по эстетическим предпочтениям Дарвин усматривает прежде всего в резкой перемене внешности людей в сравнении с их предками: в утрате прежнего волосяного покрова, когда единственным украшением остаются волосы и борода. Именно отсутствие шерсти, согласно Дарвину, и позволяет говорить о возникновении человека — и, таким образом, только *мода* отделяет нас от наших ближайших предков. Нагой кожей невозможно никого привлечь; более того, она нуждается в защите

от механических и тепловых повреждений. Значит, нужно создавать уже эстетическую дифференциацию: «Человек, особенно женщина, возник после исчезновения волосяного покрова, когда все отличия превратились в эстетические и потребовались искусственные украшения».

Таким образом, Дарвин рассматривал современные практики стрижки волос на голове как культурный отзвук архаических селективных признаков, а именно стремление зрительно отличаться от наших волосатых предков. Человеческая кожа без волос, так сказать, изначально обрекает человеческое тело на модернистско-минималистскую эстетику, и тело бросается в глаза как медиум отсутствия прежде неперенных волос. Но именно тогда становится возможно облечь свободное от покровов тело одеждой в качестве вторичной орнаментальной системы. Более того, голая кожа в большинстве сообществ — это *кардинальный* «орнамент», который нуждается в искусственной защите в виде одежды. Следовательно, можно сказать, что голая кожа — это исток всей культуры.

Эволюционные биологи сходятся в том, что красота особи — положительный атрибут ее высокой сексуальной продуктивности, и, стало быть, привлекательность необходима для произведения на свет большего потомства. В человеческой культуре, особенно в наши дни, связь красоты и репродуктивности заметно ослабла, если не вообще исчезла. Многочисленные эксперименты показали, что те женщины, которых считают наиболее привлекательными внешне, редко расцениваются как потенциально многодетные матери и даже как «хорошие матери». Также ослаблена и привязанность к этим красавицам, и *предпочтение по внешнему виду* коррелирует со слишком кратким вниманием к ним как к сексуальным партнерам. Существует множество механизмов, в результате которых индивиды с отменной внешностью не оказываются на вершине эволюционных успехов. Этот немаловажный оборот часто упускается из виду и, более того, систематически скрывается от нас всей «индустрией красоты».

На сознательном уровне выразительная красота, признанная всеми и превозносимая, служит теперь универсальным символом счастья: больше шансов найти лучшего партнера, легче устроиться на работу и завоевать социальный престиж и т.д. По этой причине все большее число людей работает над улучшением своей внешности, то есть человек сам на себя берет руководство эволюцией посредством усиленной работы над своей внешностью, замещая прежние формообразующие принципы естественной истории. Мы можем предположить, что эволюционная биология уже не просто вводит «эстетические предпочтения» как общее правило, но корректно описывает механизмы их действия, которые остаются в силе и среди современных людей. А значит, сразу становится ясно, почему те механизмы, которые в канонической эволюционной теории служили жизни и выживанию, в современной культуре так часто порождают депрессию и патологии, ведущие к вымиранию.

Первый пример. Антропология, начиная с Канта, через Дарвина и Гальтона и до наших дней, приписывает человеку способность на основе внешности тела установить всю историю рода, что и становится основой любых ожиданий по привлекательности. Материальный фонд этой сравнительной работы с первобытных времен до XIX века образовывал круг жизненного общения, и потому такой взгляд был «реалистичным». Но тот же самый «механизм вычисления средних параметров» в условиях современной динамики жизни привел к острому разладу между эмпирическим и идеальным телами. Мир современных медиа утверждает длительное потребление блистательно-нереального, совершенно фантастически подготовленного тела-модели — потребление, всемирные масштабы которого уже не ставятся под сомнение. Тенденциозное восприятие личного взаимодействия в медийном потреблении усилило тенденцию, что весь фиктивный фонд зрительных телесных впечатлений был достигнут путем строжайшей селекции и отбора; тем слабее обращение к реальному среднему телу. При этом забывают о том, что именно усреднение признаков было выбрано как механизм эволюции, и только наша современная культура намеренно отказалась от адаптивной возможности, которая была выработана в ходе эволюции: сохранение фенотипа как *усредненного образца* для стабилизации генотипа. Из-за специфики медийного «ввода» эта линия сбилась, и теперь мерилом эстетической ценности тела считается только фиксация самых непохожих на обычные телесных признаков. Таким образом, собственное тело, действительно возникшее в порядке вещей, объявляется неудачным образцом, который должен быть переделан. Отсюда становятся ясны результаты долгосрочных статистических исследований начиная с конца 1960-х годов, когда были показаны печальные депрессивные следствия современного культа красоты. Негативный эффект при этом имело не только стремление к недостижимому идеалу красоты, но и позитивные свойства этого впечатляющего облика.

1. Обратной стороной обожания самых привлекательных женщин стало (предвзятое) отношение к ним как к холодным и недоступным, особенно при их «обуржуазивании», когда «материалистический» интерес их к деньгам и статусу стал сочетаться с презрением к тем, кто социально слабее и не могут им «покровительствовать». Как показывают исследования по экспериментальной психологии, высоко оцениваемая красота ассоциируется с повышенной склонностью к неверности, малой степенью ответственности за свои поступки, тщеславием, разрушительным самомнением и общим невротическим поведением. Это все на социометрической шкале располагается в самом низу как противоположность положительных ценностей — эмоциональной стабильности, семейственности, житейской адекватности, рассудительности и внимания к другим. Таким образом, скажем, женщины с избыточным весом и меньшей внешней привлекательностью оказываются предпочтительнее, а значит, и связь красоты и жизненного успеха оказывается

проблематичной. Особенно привлекательный партнер теперь кажется источником стресса; следовательно, те, кто рассчитывают на длительное партнерство, уже особо не смотрят на красоту. Весьма устойчивым является убеждение, что лучший и неизменный баланс преимуществ на стороне усредненной внешности или же внешности, только слегка возвышающейся над этим средним уровнем. Многих страданий, проблем с самооценкой и бесплодных усилий можно было бы избежать, если бы такое отношение к красоте появилось в мире медиа, потеснив всевластное присутствие «модельных» тел.

2. Особенно хорошо выглядящие индивиды склонны к тому, чтобы свой сексуальный успех считать своей профессией и приписывать его в первую очередь или исключительно своей внешности. Тогда их «я», поскольку его нельзя окончательно отождествить с физической внешностью, мало в чем выигрывает от таких успехов. Исследования показали, что особенно хорошо выглядящие женщины воспринимают комплименты их внешности не как отзыв на их внешний вид, но как знак признания их даже теми, кто ни разу их не видел. В дружбе и любви сразу возникает почти непреодолимая трудность: эти красивые женщины хотят, чтобы их признавали и любили за их «личные качества», потому что убеждены, что других людей привлекает в них только их тело. В результате им кажется, что ничего не идет на счет их «я», но весь их успех — успех их тела, точнее, внешнего облика.

3. Выделяющиеся своей привлекательностью школьницы, как показывают результаты многолетних социологических исследований, чувствуют себя через двадцать лет менее удачливыми, чем их непритязательные одноклассницы. Биографии звезд кино и моделей изобилуют примерами несовместимости красоты с «личным счастьем». Нравственные философы и психоаналитики диагностируют причинную взаимозависимость неотразимой красоты с длительным одиночеством, депрессией и душевной раздвоенностью.

4. Специфическая «помешанность на красоте» уже в 1980-е годы стала предметом озабоченности: она плодит лишь недооценку собственных возможностей и все чаще порождает *отрицательную самооценку*. Новые медицинские исследования диагностировали под названием «нарушения образа тела» (body image disorders) те заболевания, которые связаны с систематической недооценкой своего внешнего вида в сравнении с воображаемым фантазматическим обликом стройного и мускулистого тела. Пораженные этой болезнью действительно, как правило, слабы и хилы. Но даже тот, кто близок к идеалу совершенства, болезненно переживает свои недостатки как несчастья, его угнетает любая мелочь, и один вид более совершенного человека не дает почувствовать никакого удовлетворения от своей внешности.

5. Когда успех становится не средством, а целью, лихорадочная работа над собственной внешностью поглощает человека полностью. Постоянный гиперкритический взгляд на себя, рассматривание себя в зеркале действуют на личность разрушительно: цель добиться социального и профессионального «успеха» заставляет человека непрерывно работать над улучшением своей внешности, до предела выматывая на этом принудительном пути к цели.

6. Этические исследования показывают негативное соответствие между осознанной заботой о собственной красоте и реально переживаемой сексуальностью. Чем прекраснее индивид и чем более он заботится о своей красоте, тем больше опасность, что все преимущества его ослепительного внешнего вида будут куплены ценой невротических последствий сексуальных (взаимо) отношений.

7. Дальнейшие эксперименты показали, что не существует никакой статистически значимой корреляции между физической привлекательностью и контролем над собой. Еще меньше умение хорошо выглядеть, превращенное в наивысшую ценность, способствует таким важнейшим составляющим человеческой жизни, как нормальное самочувствие, удовлетворенность и субъективное ощущение себя счастливым. Таким образом, высокая степень физической привлекательности сейчас все чаще срывается в уже рассмотренный сугубый кризис самоидентичности (Attributionskrise). Личное преуспевание и профессиональные достижения по умолчанию приписываются только своему ослепительному виду, а счет собственного «я» истощается до нуля.

8. Превращение собственного тела в предмет затратной и постоянно требующей контроля обработки делает гипертрофированный «идеал телесности» источником все большей неудовлетворенности собой. Любой успех в создании красоты уничтожается очередным изгибом более тонкой экспертизы: такая экспертиза исключительно *негативна*: она всегда указывает на телесные недостатки и никогда — на преимущества. Человек теперь полностью зависит от контролирующего взгляда в зеркале и не оставляет навязчивой заботы о своем облике, который нужно усовершенствовать прямо здесь и сейчас. И как показывают данные более чем за четыре века, систематическая неудовлетворенность собственной внешностью *всегда* сопровождалась стремлением возвести красоту в культ.

Перевод с немецкого Александра Маркова